

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И УЧЕТА

А. Л. Дмитриев¹

канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

П. Б. СТРУВЕ И «СТАТИСТИФИКАЦИЯ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В настоящее время наблюдается определенный всплеск интереса к истории отечественной экономической мысли XIX — начала XX в. В появившихся в последние годы работах можно найти утверждения о некой «русской школе» в политической экономии. Причем в «школу» включаются представители самых разных течений, с самой разной методологией анализа. Такой подход нашел свое отражение в работах (Ольсевич, 2003; Абалкин, 2009). В результате формируется искаженное представление о направлениях в российской экономической мысли. Об этом уже писалось в статьях Л. Д. Широкограда и В. С. Автономова (Широкоград, 2003; Автономов, 2003). Между тем остается немало белых пятен в истории отечественной экономической науки, которые заслуживают специального рассмотрения, поскольку их изучение позволяет понять, как проникали зарубежные идеи в отечественную экономическую науку и что нового было в результате создано. Одно из таких «белых пятен» — «статистификация» экономической теории и внедрение количественных методов анализа. У истоков этого направления в России стояли такие видные экономисты, как П. Б. Струве (1870—1944), А. А. Чупров (1874—1926), С. С. Кон (1888—1933), А. Д. Билимович (1876—1964).

«Статистификация» политической экономии

Вопрос о «статистификации» политической экономии вызвал немало споров в научной экономической литературе. Отметим, что этот вопрос был в центре внимания многих экономистов мира, среди которых следует назвать Г. Мура (1869—1958), У. Митчелла (1874—1948), О. Моргенштерна (1902—1977), Ф. Си-мианда (1873—1935) и др. Не прошел он и мимо российских экономистов, находившихся в эмиграции. Так, в «Сборнике статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П. Б. Струве» были помещены сразу две статьи — А. А. Чупрова (Чупров, 1925), коллеги Струве по Политехническому институту и ученика Струве — С. С. Кона (Кон, 1925).

Вначале рассмотрим основные идеи П. Б. Струве в области теории ценности, которые привели его к выводу о статистификации политической экономии.

Струве останавливался на этимологии слов «ценность» и «цена», поскольку она проливает свет на развитие самих явлений и на теорию этих явлений. Он начинает с того, что древние не проводили различий между ценой и ценностью.

¹ Эл. адрес: dmitr7171@mail.ru

В подтверждение этому Струве приводит ссылку на Аристотеля (384—322 до н. э.), сказавшего: «Что не имеет цены — не имеет ценности». Здесь же Струве задается другим вопросом: наблюдалось ли в античном мире, чтобы от «понятия цены дифференцировалось понятие ценности»? (Струве, 1913, с. 88). Отвечая на этот вопрос, он констатировал, что в цене как *факте* у древних противопоставлялась ценность как *норма*, которая регулировала цену. Такое разделение понятий означало основной дуализм общественно-экономического процесса. В этом разделии Струве видит историю этической идеи и правового института «справедливой цены».

«Цена есть факт. Скажем так: цена есть понятие реального менового отношения между обмениваемыми благами, есть реализованное меновое отношение. Ценность есть норма. Скажем так: ценность есть понятие идеального, или должно-го, соотношения между благами в процессе обмена» (Струве, 1913, с. 88).

Струве отмечал, что идея ценности уже у древних из понятия этической и правовой нормы превращается в естественный закон, которому в свою очередь подчиняются все факты. Этот закон лежит в их основе и им управляет. В самом понятии «нормы» и «нормальности» заключается двойственность. Двойственность ценности и порождает два их вида: ценность «нормативную» и ценность «типическую». Первый вид ценности означает, что цена, которую следует платить сообразно ценности, зависит от этической и юридической нормы. Второй вид ценности означает цену, которую следует платить, поскольку ее обычно платят сообразно обычной или фактической норме. Делая исторические экскурсы, Струве подчеркивает, что «справедливая цена», которую выдвинули в свое время «канонисты», является нормой меновых актов и для нахождения справедливой цены необходимо исходить из обычной оценки. Эта оценка является естественно образовавшейся нормой — типической ценностью и таким образом явилась естественным законом цены. «В этической или правовой идее ценности создалась форма, в которую влилось уже не этическое, а натуралистическое содержание. Таким путем философского превращения образовались объективные теории ценности и их крайнее выражение — трудовая теория ценности», — заключал Струве (Струве, 1913, с. 90).

Как создавалось понятие объективной ценности? Струве считал, что это был двойкий процесс: с одной стороны, шло освобождение понятия ценности от этической окраски (понимание ценности как гетерогенического, общественного явления, а с другой стороны, это был процесс возвращения этического понятия ценности как нормы цены в натуралистическое понятие ценности как закона цены, т. е. в сторону метафизики. При этом такая эволюция весьма закономерна — «натурализм в области политической экономии выросал вместе с естествознанием» (Струве, 1913, с. 90).

Уже в «Хозяйстве и цене» Струве развивает идею статистического подхода к политической экономии, к которой он плотнее обратится уже в эмиграции (1920-е гг.): понятие «типическая ценность» трактуется им как «субъективная» средняя, т. е. средняя, полученная из ряда наблюдений над одной и той же единицей. Когда производится ряд измерений одного и того же объекта, то обычно речь идет о том, чтобы с большей точностью установить истинную величину объекта. Эти ряды подчиняются нормальному закону Гаусса, и для них можно рассчитать три типа средних: арифметическую, медиану и моду, при этом они совпадают, и, таким образом, можно найти истинную величину. Если же в рядах члены различаются, то истинную величину найти невозможно. Ссылаясь на немецкого статистика Ф. Жижека (1876—1938), Струве считает, что в этой ситуации особое значение имеет дисперсия, поскольку с ее помощью легко установить изменчивость в ряде.

«Выражаясь в терминах теории статистики, — замечал Струве, — мы можем сказать, что субстанциальное понятие ценности основано на ошибочном представлении о ней, как об “объективной” средней, допускающей отыскивание и установление “истинной” величины, между тем как она есть настоящая “субъективная” средняя» (Струве, 1913, с. 92).

Струве убежден, что типическая средняя выступает в качестве «изолированной» средней, которая означает, что не дается ряд единичных величин, из которых выведена эта средняя. То есть средняя получается путем глазомерной оценки, а не путем обработки ряда. Этот подход Струве был детально исследован в работе (Гальперин, Игнатъев, Моргунов, 1995, с. 86—94).

Нормативная ценность предполагает «веление» некой власти на реализацию цен. Если это выполняется, то оно и реализуется в цене. Причем это «веление» может опираться как на субъективную оценку, так и не опираться на нее, а просто предписывать цену.

В большинстве эмпирических случаев нормативная ценность генетически сплетается с ценностью типической и вырастает на ее основе. Происхождение же нормативной ценности из типической может быть очень отдаленным и определяться лишь с помощью исторических исследований.

Последовательность реальных явлений, связанных с понятием цены и ценности, наблюдаемых эмпирическим путем, может быть двоякой:

- 1) оценка (субъективная) — цена — ценность (типическая);
- 2) оценочное веление власти — нормативная ценность — цена (Струве, 1913, с. 96).

Из этой схемы Струве вытекает, что оценка может реализовываться прямо в уравнения цены, или «веление власти» через типическую ценность может создавать нормы, которые являются «нормами меновых актов». Согласно этим нормам строятся отдельные меновые пропорции.

Струве весьма четко дает свое толкование понятию «субъективная» ценность: по его мнению, это психический процесс оценки, который приводит к обмену, и тогда появляется цена. Именно это явление и должно интересовать экономиста. Ценность же, как что-то отличное от цены, не зависимое от цены, является фантомом. Создание этого фантома вытекало из метафизической потребности — фиксировать текущие явления и отношения, которые представляются в виде многообразных колеблющихся цен, и «пробиться» к внутренней ценности, лежащей в основе этих явлений. Струве приводит в этой связи образные параллели с тем, как в начале XVIII столетия объяснялись некоторые физические явления: горения через теорию флогистона и теплоты с помощью теплохода — и замечает, что «и мы можем и должны в настоящее время к теориям объективной ценности и к самому понятию такой ценности относиться уже так же исторически объективно, как современные химики к теории флогистона» (Струве, 1913, с. 96). При этом Струве отмечает, что, подобно теории флогистона, оказавшей в свое время огромную услугу химии, теория ценности не была «вредным заблуждением», поскольку вокруг нее кристаллизовалась работа экономической мысли. И поэтому нет необходимости ее опровергать — нужно лишь ее описать, что и было сделано Струве во введении к работе «Хозяйство и цена», и становится совершенно очевидным, что ей нет места в научных построениях.

Категория *объективной ценности* является, таким образом, «метафизическим удвоением цены». Что же тогда такое цена? По мнению Струве, это меновая пропорция, выраженная в деньгах. Струве считал, что соотношение между ценой как фактом и ценностью как нормой является проблемой историко-социологического изучения. Именно в таком понимании цены и ценности меж-

ду этими понятиями устанавливается взаимосвязь, которая соответствует реальному соотношению явлений, в котором эти понятия встречаются не в построениях экономической теории, а в построениях практиков, т. е. в праве и бухгалтерском учете. Эта мысль будет развита Струве в дальнейших главах «Хозяйства и цены». Он весьма жестко заявляет, что понятия ценности, которое имело бы значение в политической экономии и не имело бы значения в праве и бухгалтерии, не должно существовать. В этом вопросе он солидаризируется с И. Фишером (1867—1947), который определял ценность как произведение количества на цену и, следовательно, полагал, что ценность есть оценка всего запаса или всего реализованного имущества или оценка этого имущества по нормальной цене.

Свободному образованию цен соответствует цена, которую можно называть «вольной» ценой, в свою очередь, социальному регулированию цены властью назначается регулируемая цена (цена фиксированная, нормированная). Эта цена в исторической ретроспективе именуется у Струве «указной». Формированию этих двух видов цен Струве посвящает целую главу своего исследования «Цена указная и цена вольная. Этюды и материалы по исторической феноменологии цены» (Струве, 1913, с. 101).

Подводя итог, следует особо обратить внимание, что Струве отказывается от популярной в те годы трактовки субъективной и объективной ценности в понимании австрийской школы: ценностью в субъективном смысле мы называем то значение, какое имеет известное материальное благо или совокупность известного рода материальных благ для благополучия субъекта, и «ценностью в объективном смысле мы называем, напротив, способность вещи давать какой-нибудь объективный результат» (Бем-Баверк, 1992, с. 248).

Вокруг идей П. Б. Струве

Анализируя концепцию П. Б. Струве, С. С. Кон указывал, что им руководят два мотива в исканиях обновления экономической теории в духе статистического эмпиризма: 1) сознание бесплодности чистого абстрактно-дедуктивного метода и 2) сингуляристический, в противоположность универсалистическому, мотив. Кон сходится со Струве в убеждении бесплодности абстрактно-дедуктивного метода, хотя и отмечает его категоричность. Но вот сингуляристический мотив вызывает у Кона определенное возражение. Само понятие «сингулярный факт» было заимствовано Струве у А. Лотце. Кон утверждает, что «проблема сингуляризма-универсализма есть проблема реальности “социологических целых” и толкования отношения этих целых к составляющим их элементам» (Кон, 1925б, с. 118). Струве правильно замечает, что неправомерно считать всякую концепцию, которая в том или ином смысле признает реальность за неким общественным целым или массовым итогом единичных социальных факторов. Но, однако, этот критерий не всегда выдерживает и сам Струве. Это касается момента, когда он от общих формулировок переходит к отдельным проблемам теории политической экономии — проблеме распределения и ценности. Основной мыслью Струве является утверждение, что проблема распределения общественного продукта между различными классами является мнимой проблемой, поскольку реально существуют лишь единичные, «сингулярные» факты образования доходов отдельных хозяйствующих субъектов в процессе реализации цен. Однако из этого не вытекает, что для экономистов не может иметь смыслового значения общий итог массовых процессов в смысле доли отдельных групп населения в сумме реализованных доходов. Вопрос о том, как складывается из массы доходов отдельных групп общий уровень дохода, являет-

ся вполне закономерным вопросом. Вполне правомерным является и вопрос: под воздействием каких общественных групп складывается этот общий уровень. Однако Струве отвергает подобную постановку вопроса.

Второй момент, на который обращает внимание Кон, заключается в противопоставлении Струве идиографического и номографического подходов. Идиографизм как знание об индивидуальном, приуроченном к определенному моменту времени противостоит номографизму, направленному на улавливание общего в явлениях, на установление причинных соотношений. Сингуляризм связан с идиографизмом, но у Струве сингуляристический мотив легко переходит в идиографический. Подчеркивая схожесть со Струве в «эмпиристических тенденциях», Кон, однако, отвергает его идиографизм. «Я полагаю, что *теория политической экономии есть по традиции и должна оставаться последовательной номографией хозяйственной жизни, будучи в то же время перестроена на эмпирических основаниях*. Все основное содержание политической экономии должно быть номографическим, должно быть направлено на изучение общих причинных соотношений, находящих свое выражение в фактах хозяйственной жизни. Но этот номографизм политической экономии должен быть эмпирическим, он должен быть *пронизан эмпиризмом*, а не стоять как-то вне эмпирически-идиографического описания хозяйственной жизни, в качестве психологического комментария к последнему», — заключал Кон (Кон, 1925б, с. 123). При этом особое внимание Кон обратил на то, что номографическое толкование экономических явлений должно сочетаться с вероятностным подходом, поскольку именно такой подход позволяет преодолеть множественность экономической действительности. По сути дела, Кон предлагал активно использовать теорию вероятностей в объяснении экономических явлений. В связи с этим Кон указывал, что должно быть пересмотрено понятие ценности, предлагаемое Струве. Что для этого следует сделать? Кон предлагает начать с цены. Именно в ней необходимо искать некоторую, лежащую в ее основе вероятностную характеристику, которая характеризует совокупность всех факторов ценообразования, и в то же время очищенную от налета случайного, присущего отдельно взятой цене. В основе цены следует искать *ее математическое ожидание*. Именно эту вероятностную характеристику и следует называть *ценностью*. В этом случае ценность нужно характеризовать не как статистическую среднюю из цен, а как математическое ожидание цены. Кон отмечал, что сам Струве говорил о таком подходе в рецензии на «Очерки по теории цены» Л. Н. Юровского (1884—1938) (Юровский, 1919). Но первенство такого подхода записывает за собой, поскольку он сообщил в частном письме к Кону об этом еще в 1922 г. Эмпирическая средняя, таким образом, представляет собой реализацию математического ожидания, и поэтому математическое ожидание лежит в основе эмпирической средней. Вообще же, применение понятия математического ожидания к концепции ценности имеет целью, во-первых, указать на то, что номографический подход должен быть сохранен и, во-вторых, этот подход должен быть вероятностным. Это, в свою очередь, открывает возможность использования статистических методов. Из действия закона больших чисел следует, что корреляционная зависимость воспринимается эмпирически лишь путем массового статистического наблюдения, а это говорит о вероятностно-статистическом подходе к действительности, причем необходимо устанавливать сводные зависимости, основанные на массовых фактах. В заключение Кон отмечает: «Прилагая все эти соображения к проблеме цены-ценности, мы скажем, что концепция ценности как математического ожидания цены означает и предполагает *отказ от однозначно-каузального истолкования эмпирического факта цены в пользу его вероятностно-статистического истолкования*» (Кон, 1925б, с. 132). На этот путь встала американская шко-

ла статистиков-экономистов, и это в конечном счете привело к созданию нового направления в экономике — эконометрике.

Обратимся теперь к мнению А. А. Чупрова, анализировавшего предложения Струве о статификации политической экономии.

А. А. Чупров в статье «Место понятия ценности в статистической теории цены» (Чупров, 1925), в которой развивались идеи, заложенные в «Очерках по теории статистики» (Чупров, 1910), отмечал, что П. Б. Струве, выступая с требованием «статификации» политической экономии, стремится очистить экономическую теорию от понятия ценности, поскольку оно не уместится в рамки эмпирико-статистического подхода. По мнению Струве, «не ценность (объективная) определяет цены, а то, что называют объективной ценностью, образуется из цен» (Чупров, 1925, с. 16). В истории экономической мысли идея ценности, которая управляет ценами, возникла как идея этической и правовой нормы. Затем она превратилась в естественный закон, лежащий в основе цен и ими управляющий.

А. А. Чупров, «глубоко сочувствуя стремлению П. Б. Струве направить работу теоретической мысли в русло эмпирико-статистического осмысления хозяйственной действительности», расходился с ним по поводу отказа от основных понятий экономической теории. Чупров на примере понятия ценности задается целью показать, что теоретическая переработка статистического материала не предполагает отказа от самой категории ценности как основы цен.

Статистическая теория цены имеет дело с двумя видами данных: 1) «записями единичных цен, по которым и заключаются сделки», и 2) «более или менее точно уловляемыми представлениями отдельных участников торга касательно уровня существующих на рынке цен» (Чупров, 1925, с. 164—165). Индивидуальные суждения о существующих на рынке ценах субъективны, поскольку они носят отпечаток субъективных переживаний наблюдателя. Эти суждения глазомерны, так как они не основаны на систематическом измерении и правильной обработке единичных цен. Как правило, подчеркивает Чупров, они нацелены на моду, т. е. наиболее часто встречаемую наблюдателем цену. (Чупров в примечании замечал, что Струве вводит понятие «субъективной средней» не в смысле субъективного восприятия, а в статистическом смысле, который ведет отсчет от А. Кетле (1796—1874). Сам Чупров избегает употребления этого термина, поскольку, по его мнению, он не пригоден для квалификации средних, которые поступают в распоряжение теоретика для построения статистической теории цены.) Иногда возможны и отклонения от этого правила: «обывательски подводимый итог определяется одним из крайних значений» (Чупров, 1925, с. 165). Это может произойти в случае резких скачков конъюнктуры.

По мнению Чупрова, «обывательские суждения о ценах представляют двойной интерес для экономиста: как самостоятельный объект изучения и как источник сведений о рынке, дополняющий, если не заменяющий, непосредственный учет конкретных цен» (Чупров, 1925, с. 165). При заключении новых сделок «обывательские суждения» играют значительную роль. Дело в том, что любой торг в обстановке действительной жизни относится к ценам, которые утвердились на рынке к моменту заключения сделки, а не к ценам, полученным в результате статистического наблюдения. По мнению Чупрова, и девизный арбитражер, и скупщик яиц в черноземельной деревне, и продающая ему яйца баба, и крестьянин, везущий пшеницу или рожь на рынок и покупающий затем в городе мануфактуру, и современный горожанин, представления которого являются сводом разрозненных наблюдений за ценами продавца, — все они, стремясь выгодно купить и продать, по-своему оценивают сложившуюся на рынке конъюнктуру. Именно с вдумчивого изучения рынка должен начинаться анализ эм-

пирической картины цен. Обывательские представления о рыночных ценах могут быть использованы и для «анкетного» подхода к изучению действительного уровня цен.

Для расчета средних цен исследователь может остановиться на любой форме средней, при этом вычисляемая средняя, считает Чупров, не является ни субъективной, ни глазомерной. Она не выглядит изолированно — весь ряд единичных значений имеется на виду у исследователя. Вычисление средней может быть дополнено вычислением мер разброса (рассеяния) данных.

Таким образом, если имеются записи конкретных цен, то обработка эмпирического материала, направленная на создание статистической теории цены, может быть поставлена на путь планомерного научно-статистического исследования. Из этого и нужно исходить при решении вопроса о применении понятия «ценность» в статистической теории цены.

Особое внимание Чупров обращает на то обстоятельство, что современная теория статистики рассматривает эмпирические данные, «искаженные случаем выявления неких лежащих в основе их “априорных” (в условном смысле теории вероятностей) величин, и видит одну из своих главнейших задач в указании способов оценки этих априорных искомым по их доступным наблюдению случайным, эмпирическим значениям» (Чупров, 1925, с. 168). Со времен Я. Бернулли (1654—1705) статистики исходят из того, что в основе эмпирической частности лежит априорная вероятность, а П. Л. Чебышев (1821—1894) такой подход распространил на взаимоотношения между эмпирической средней и математическим ожиданием, лежащим в ее основе.

Чупров предлагает применять вероятностный подход в исследованиях. В опыте мы имеем лишь единичные значения. Вычисленная средняя будет представлять собой величину, полученную из этих значений и носящую, лишь на первый взгляд, случайный характер. Но если ее рассматривать с точки зрения приближенного значения математического ожидания суммы, она приобретает иное значение: мы видим в ней величину, которая лежит в основе последних и определяет собой средний уровень.

По мнению Чупрова, «ценность как величина, в своем численном значении познаваемая лишь из цен и в этом смысле образующаяся из цен, но не определяемая ценами, а определяющая их средний уровень, — такое представление не только не противоречит формально статистической точке зрения, но, напротив, ею почти постулируется» (Чупров, 1925, с. 170). А чем определяется ценность — затратами общественно-необходимого времени, балансом предельных полезностей или чем-то другим, — к выяснению этого можно идти как путем статистического анализа массовых данных о конкретных ценах, так и с помощью априорных суждений. Оба эти подхода, по Чупрову, мирятся с формально-статистическим подходом.

Важно учитывать, что цены не представляются взаимно независимыми — они находятся под влиянием многих условий (урожай, промышленная конъюнктура, уровень техники и т. п.), к тому же они влияют друг на друга через воздействие представлений о цене, которая существует на рынке, на уровень цен при последующих сделках. Такие сложные переплетения цен требуют особого внимания при определении приемов статистической обработки эмпирических данных. При этом концепция ценности, как основа цены, никак не нарушается.

Еще одна проблема, поднимаемая Чупровым: постоянное изменение условий, которые влияют на цены. По отношению к ней Чупров констатирует: «Схема меняющегося закона распределения значений переменной подвергается разработке в современной теории статистики наряду со схемой связанных испытаний» (Чупров, 1925, с. 171).

Таким образом, приветствуя «статистификацию» политической экономии, Чупров в то же самое время, в отличие от Струве, не отклоняет концепции «ценности» и предлагает внедрять статистический подход в теорию ценности.

Проблема экономического равновесия, динамики и статики

Концепция статистификации экономической теории привела Струве к подробному разбору идеи микро- и макроэкономического равновесия, ставшей весьма популярной в среде экономистов-теоретиков.

В 1923 г., находясь в Праге, Струве сумел продолжить свои теоретические исследования и выполнить обещания, данные в 1916 г. во второй части «Хозяйства и цены». В «Экономическом вестнике», издаваемом С. Н. Прокоповичем (1870—1955) в Берлине, появилась его статья «Научная картина мира и понятие равновесия» (Струве, 1923).

Начинается статья с экскурса в историю: как зарождалась и развивалась идея «естественного закона» в политической экономии и философии. Далее Струве отмечает, что идея «равновесия» уже присутствовала в работах Аристотеля и она «определила на целые века экономическое мышление» (Струве, 1923, с. 6). Струве утверждает, что идея «равновесия» может двояко присутствовать в экономическом мышлении: 1) как идея онтологическая — т. е. идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет, и 2) как идея чисто феноменологическая, т. е. идея особого явления, равноправная с другими экономическими феноменами и не представляющая общего закона экономической жизни.

Начиная с А. Ж. Тюрго (1727—1781) и Э. Б. Кондильяка (1715—1780), теории ценности мыслят равенство благ в обмене и саму ценность как результат этого обмена, а ценность как некую субстанцию. Понятие «равновесия» возводится в закон, и ему придается особое положение. Закон как бы «номологизируется». Теория впадает в отношении к нему в «антагонизм», поскольку, как утверждает Струве, «возведенная в закон правильность очень легко может оказаться некой стоящей над явлениями “сущностью”» (Струве, 1923, с. 7).

В основе понятия «равновесие» как закона экономических явлений лежит, по мнению Струве, отождествление экономических соотношений с соотношениями механическими, как они представлены в классической механике. Для этого в экономической теории используется понятие «динамика» и «статика», которые были введены в экономическую науку Дж. Б. Кларком (Кларк, 1992, с. 43—45).

Для того чтобы критически оценить саму идею равновесия, Струве рассматривает «конный рынок» Э. Бем-Баверка (1851—1914) из его работы «Позитивная теория капитала» (1889). Из этого примера в экономической теории выводится основной закон ценообразования: рыночная цена установится внутри пределов, которые сверху ограничиваются оценками последнего из участвующих в обмене покупателей и наиболее обменоспособного из устраненных от обмена продавцов и снизу — оценками наименее обменоспособного из участвующих еще в обмене продавцов и наиболее обменоспособного из устраненных от обмена покупателей. Эта цена и является ценой, при которой устанавливается равновесие.

Подход этот, рассуждает Струве, представляется соблазнительно логическим и является как бы теоретически непререкаемым. Но следует внимательно присмотреться к предпосылкам применения этого подхода. Основной из них является мысль, что на рынке продавцы и покупатели выступают с твердыми заявками («проектами цен»), от которых допускается отклонение вверх для продавцов

и вниз для покупателей. Но такая предпосылка не является единственно возможной предпосылкой рыночного обмена. Вывод Струве: «“Кинетическое” или “динамическое” равновесие — явление образования цены — эта теория совершенно нереалистично стабилизирует в самом корне» (Струве, 1923, с. 9). Струве обращает внимание на то, что появились более совершенные модели схем Бем-Баверка, разработанные Э. Ледерером (1882—1939) и Л. Вальрасом (1834—1910), где торг протекает в форме аукциона. Но аукцион никогда не строится на твердых проектах цены ни со стороны продавцов, ни со стороны покупателей.

При различных гипотезах о соотношении между спросом и предложением на рынке, если торг состоялся, существенным является кинетический результат: образование и реализация некоей единой цены. Таким образом, «равновесие» является пришедшим в состояние покоя рынком. В чем проявляется этот покой? Струве говорит — «в некоторой относительной постоянной, или константе, которая в свою очередь есть как-то функция многих величин» (Струве, 1923, с. 10). Если же рыночная цена является фактом, который может быть наблюдаем и зарегистрирован, то он является по существу только приближенной величиной. Получается, что рыночная цена образуется не по закону Бем-Баверка, а в силу стихийного столкновения проектов цен и в результате образования большого множества промежуточных и неустойчивых отдельных цен. Они же в свою очередь как бы сливаются в устойчивую единую цену в данный момент времени. Это равновесие является равновесием статистическим, «феномен которого классическая механика вовсе не знала и потому не могла формулировать» (Струве, 1923, с. 11).

Однако Струве весьма импонируют физические аналогии. Используя многочисленные цитаты из работ Макса Планка (1858—1947), Струве отмечает, что хозяйственная жизнь составляет из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, руководствуясь принципом хозяйственного расчета, «в своей индивидуальной микроскопической конкретности случайны... “микроскопические” действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, новыми являются реализованные, “сделочные” цены» (Струве, 1923, с. 13).

Делая столь серьезные замечания по поводу концепции равновесия, Струве замечает, что они не являются отрицанием экономической теории вообще и теории цены в частности.

Особо Струве останавливается на различии «статики» и «динамики», популярных в политической экономии, но не отличающихся ни продуманностью, ни точностью. Понятие «статики» правомерно применять в политической экономии, но его необходимо ограничить случаем одновременных данных в ценах и количествах спроса и предложения — случаем, в экономике не встречающимся. При этом современная механика под «статикой» понимает рассмотрение случаев, когда «материальная точка» под действием нескольких сил находится в покое (или в прямолинейном однообразном движении) и рассматривает равновесие как частный случай покоя. Экономическая теория, взявшая концепцию «равновесия» без всякого размышления, следует классической старой традиции механики, которая рассматривала статику как учение о покое, независимо от кинетики. Таким образом, «это совершенно не соответствует предмету, или материи экономической науки, материи подвижной и даже текущей, дискретной и прерывной по существу», а политическая экономия должна все свои выводы проверять или применять на опыте (Струве, 1923, с. 14—15).

В экономике в каждом отдельном случае «индивиды» должны быть подсчитаны, сведены в разряды и категории, объединяемые по «признакам» в статистические совокупности. «Вне такой статистической обработки мы имеем в экономике только либо построение общих понятий, выливающих в форму дефиниций, либо не приуроченное ни к каким числовым характеристикам описание конкретных явлений данного места и времени при помощи этих общих понятий. Числить же и мерить плодотворно в экономике можно только статистически, и это — как это ни странно — вытекает именно из основного положения новейшей математической экономии о всесторонней взаимосвязанности экономических явлений», — заключает Струве (Струве, 1923, с. 16). В этом также проявляется идея Струве, связанная со статистификацией политической экономии, высказанной им ранее во второй части «Хозяйства и цены» в разделе «Политическая экономия и бухгалтерия» (Струве, 1916, с. 71—89).

Струве импонирует и критика французского математика П. Пэнлэве (1863—1933) измерения полезности, предлагаемой У. Джевонсом (1835—1882): «Вывод, к которому приводит... рассуждение Пэнлэве, совершенно тождествен с тем, на котором настаиваем мы. Политическая экономия имеет дело с какими-то многозначными и дискретными “индивидами”, которые либо естественно слагаются, либо могут быть искусственно объединяемы в какие-то совокупности, подлежащие статистическому изучению» (Струве, 1923, с. 18).

А может ли вообще в экономике идти речь о равновесии? Струве утверждает, что может, но лишь о равновесии кинетическом, которое определяется как результат действия большого количества величин, действие которых может быть установлено при помощи статистических наблюдений. «Суть дела заключается в том, что экономическая действительность может быть и мыслима и наблюдаема только как действительность многогранная и прерывная. *Многозначность и прерывность суть необходимые предпосылки экономической теории*» (Струве, 1923, с. 20). Здесь, по мнению Струве, нельзя проводить аналогии со статистической физикой, которая отправляется от гипотезы элементарного беспорядка. Экономика же должна отправляться от гипотезы всесторонней взаимозависимости всех социальных индивидов. К тому же статистическая физика оперирует с «микроскопическими» феноменами, экономика же имеет дело как с микроскопическими, так и с макроскопическими явлениями и часто переходит от «микроскопических» явлений к «макроскопическим».

Использование понятия «равновесие» в политической экономии не ограничивается только проблемой цены — оно охватывает всю сферу экономических отношений через понятие «издержки производства». Как цена, согласно концепции равновесия, стремится к единству в пределах рынка данного товара, так и издержки производства в пределах соприкосновения многих и разнородных рынков стремятся к некоторому единству. Эта идея восходит еще к Тюрго, который, придавая большое значение издержкам производства, называл рыночную цену — *prix courant*, а издержки производства — *prix fundamental*.

Теорема о стремлении издержек производства к равенству применима еще более условно, чем теорема о единой рыночной цене. Почему? По мнению Струве, издержки производства состоят в значительной мере из реализованных цен, но они не сводимы только к ним. Издержки производства даже там, где не ведется бухгалтерского учета, суть бухгалтерские вычисления, которые производятся на основании действительно уплаченных цен и цен, предлагаемых к оплате.

В самой цене есть элемент этих бухгалтерских состояний: цена как «заявка» и цена как реализованное меновое отношение. В издержках производства наблюдается та же двойственность: затраты произведенные и затраты скалькули-

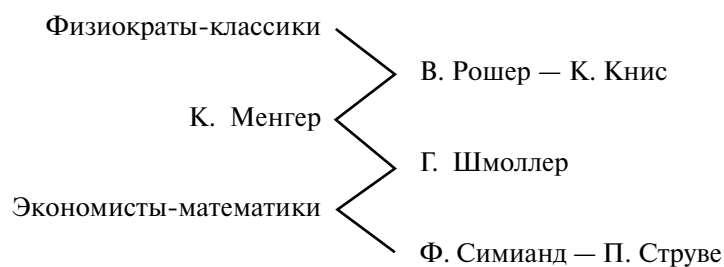
рованные. В отличие от цен затраты определяются в значительной мере не на рынке, а внутри хозяйства (предприятия). Эмпирические исследования показывают, что издержки производства могут выравниваться в значительно меньшей степени, чем рыночные цены. Причем если цена рыночного торга определяется как единая цена, то издержки производства множественны в силу множественности хозяйствующих субъектов. Особо останавливается Струве на области, «к которой законно приложить... концепцию равновесия». Это соотношение между «натуральным» и «денежным» началом в хозяйстве. Хозяйствование находится в условиях «равновесия», когда вся натура обратима в деньги и обратно. «Понятие “обратимости” хозяйственных благ есть адекватное выражение того законного понятия “равновесия”, которое имеет реальный бухгалтерский смысл и может служить для осмысливания при помощи бухгалтерских схем экономической действительности и для экономического использования бухгалтерских категорий» (Струве, 1923, с. 25).

Струве настаивает на осмыслении экономических явлений с помощью бухгалтерских категорий, это, в свою очередь, шаг к статистификации политической экономии при помощи статистической обработки данных бухгалтерии. Понятие «равновесия» в этом случае возможно свести к понятию «баланса».

Эта позиция Струве не прошла мимо его давнего оппонента еще по докторскому диспуту А. Д. Билимовича, автора блестящей работы «К вопросу о расценке хозяйственных благ» (Билимович, 1914), являвшегося представителем математического направления в российской экономической мысли, который в очередном номере «Экономического вестника» откликнулся статьей «Два подхода к научной картине экономического мира» (Билимович, 1924). Эта статья анализировалась в монографии Э. Б. Корицкого, посвященной научному творчеству А. Д. Билимовича (Корицкий, 1997).

Билимович отмечал, что критика Струве «бьет не по одной концепции равновесия, а по абстрактной экономической теории вообще от Turgot (А. Тюрго. — А. Д.) до Pareto (В. Парето (1848—1923). — А. Д.)» (Билимович, 1924, с. 3), поскольку Струве взял концепцию равновесия, наиболее глубоко продуманную и являющуюся ярким примером абстрактной теории.

Если представить работу П. Струве на фоне исторического развития экономической науки, то ее идеи имеют как бы вид зигзага:

Но если В. Рошер (1817—1894) и К. Книс (1821—1898), по мнению Билимовича, несколько ослабляли критику методов классиков тем, что они повторяли в своих работах их теории, а Г. Шмоллер (1838—1917) был менее непримиримым противником теории, чем Струве, то отрицание каузальных теоретических схем у Струве вытекает из «онтологического» расхождения с абстрактными теориями.

Вот что, по мнению Билимовича, отрицается в подходе Струве:

- 1) применение количественных рассуждений к психическим явлениям;
- 2) понятие экономического равновесия, играющее важную роль в построениях теоретиков австрийской и математической школ;

- 3) предпосылка единства издержек производства;
- 4) исключение из схем равновесия предпринимательской прибыли;
- 5) статическая теория хозяйства;
- 6) предпосылка однозначной детерминированности поведения хозяйствующих индивидуумов.

Вместо этого Струве выдвигает следующие положения:

- 1) психические переживания не суть величины;
- 2) обычно применяемое экономистами понятие «равновесия» не отвечает действительности;
- 3) предпринимательская прибыль, не укладывающаяся в статическую схему равновесия, не должна быть устраняема;
- 4) хозяйственный процесс не статичен, а подвержен постоянным изменениям;
- 5) поведение индивидуумов не детерминировано однозначно, а «самочинно».

«Если не считать построения общих понятий, то вся экономическая наука сводится к идиографии: простому или статистическому описанию конкретных хозяйственных явлений», — заключал Билимович (Билимович, 1924, с. 6).

Далее последовательно, пункт за пунктом, Билимович разбирает утверждения Струве и приводит свои аргументы. Относительно концепции рыночного равновесия он, отмечая упрощенность подхода, при котором цена устанавливается на том уровне, при котором спрос равен предложению, говорит, что изложенная схема действует при жестких положениях: полная связанность риска, полное отсутствие экономического трения, полная тождественность единиц товара, полная осведомленность участников о положении рынка и т. д. «Всего этого, конечно, нет, и в этом теория абстрактна (умозрительна). Но при всех этих упрощающих предпосылках она обрисовывает и разъясняет то самое существенное, что есть в механизме образования цены» (Билимович, 1924, с. 7). Конечно, в теорию можно вносить поправки и уточнения, но отрицание всей схемы из-за упрощенности посылок можно сравнить с отрицанием теоремы о равенстве внутренних углов треугольника $2d$ и в связи с этим теоретической геометрии вообще на том основании, что в действительности нет треугольников с идеально прямыми сторонами.

Отдельный параграф своей статьи Билимович посвящает проблеме «статики» и «динамики». Одним из основных пунктов критики Струве явилось то, что теория равновесия принимает хозяйственную жизнь за «статическую», тогда как эта жизнь является подвижной. Раз так, то в экономической науке не может быть статики. Билимович, протестуя против такого подхода Струве, проводит детальный анализ статического и динамического подхода к рассмотрению народного хозяйства. При этом он замечает, что «в хозяйственной области, если искать аналогии с механикой, мы имеем дело с хозяйственными массами. Поэтому наука о хозяйственном процессе может быть сближена с *динамикой*. При этом хозяйственный процесс есть непрерывное *движение* хозяйственных масс (люди все время производят, обменивают, потребляют). Следовательно, хозяйственный процесс не статичен, а *кинетичен*» (Билимович, 1924, с. 23). Поэтому, заключает Билимович, Струве прав, когда он отрицает применение к хозяйству понятия «статика» в смысле состояния покоя. Но далее замечает, что следовало бы пойти еще дальше и отказаться от общеупотребительного противопоставления в экономической теории «статики» и «динамики», поскольку это противоречит терминологии, принятой в механике, по которой статика есть часть динамики. Вместо этого Билимович предлагал говорить о теории «стационарного» и «нестационарного» хозяйства. Стационарное движение, как и в механике, характеризуется тем, что многие параметры, описывающие состояние системы, остаются постоянными, а остальные меняются прямо пропорционально време-

ни, т. е. равномерно. Если же хозяйственный процесс постоянно подвержен новым возмущениям, т. е. подчинен постоянно изменяющимся причинам и условиям, то он тем самым приобретает характер *нестационарного* движения. При этом все важнейшие экономические параметры меняются: меняется производство, меняется спрос и предложение, цены и т. п. Стационарное хозяйство представляется более упрощенной абстракцией, а нестационарное — больше приближено к реальной жизни. Отбрасывая анализ стационарного хозяйства, Струве тем самым возвращается к традициям исторической школы. По мнению Билимовича, невозможно согласиться со Струве, который признает изучение стационарного хозяйства ложным по самому заданию, лишь потому, что реальное хозяйство постоянно меняется: «...хозяйственный мир, из которого исключено всякое изменение, несомненно фиктивен, но законы стационарного хозяйства, которые можно распознать при помощи умозрительного построения этого воображаемого мира, продолжают действовать в нестационарном хозяйстве, и без этих законов теория не может прийти к законам нестационарного хозяйства. Ибо, как говорил в одном месте Clark (Дж. Б. Кларк (1847—1938). — А. Д.): «Законы гидростатики так же действуют в водных потоках Ниагары, как и в спокойном пруде»» (Билимович, 1924, с. 27).

Особые возражения высказывает Билимович и в отношении отрицания Струве предпосылки однозначной детерминированности поведения индивидуумов. Отрицание этой предпосылки играет, по мнению Билимовича, существенную роль в научном мирозерцании Струве. Главной причиной отрицания является то, что мы не можем найти конкретных значений для действующих в хозяйственной жизни причин и не можем преодолеть трудности математической обработки сложных явлений. Поэтому, будь теоретический подход и правилен, он не в состоянии привести к теоретическим результатам. «Но разве смысл теории исчерпывается совершенно конкретными численными результатами?» — спрашивает Билимович. «Если теория вскроет главные причины, основные свойства этих причин и характер их действия, если она выведет из этих причин главнейшие типичные явления хозяйственной жизни, как стационарной, так и подверженной изменениям, то при сколько-либо полной разработке всего этого будет получена каузально-схематическая картина хозяйственного процесса, не только отвечающая чисто познавательным запросам, но и дающая ориентировку в хозяйственных явлениях, необходимую для практических целей» (Билимович, 1924, с. 29). Подытоживая рассмотрение этого вопроса, Билимович высказался весьма однозначно: статистический подход, несмотря на огромное количество энергии, затрачиваемой на собирание и обработку статистических данных, не может похвастаться богатыми результатами установления закономерностей хозяйственной жизни. При этом он полагал, что статистическому подходу должно быть уделено больше места, чем это делала экономическая наука до сих пор. Приемы этого подхода, по мнению Билимовича, должны занять видное место в науке.

Струве не мог пройти мимо столь сильной критики его подхода. В результате в этом же номере «Экономического вестника» была напечатана статья Струве «Первичность и своеобразие обмена и проблема “равновесия”», которая явилась ответом Билимовичу (Струве, 1924).

Поблагодарив своего оппонента за возможность развить дальше свои идеи, которые должны войти в новую книгу «Основы политической экономии» (она так и не увидела свет), Струве начинает критиковать основные антитезисы Билимовича. Он категорически не согласен с тем, что в своих работах якобы он отрицает абстрактную политическую экономию. При этом он отмечает, что все время работает с общими понятиями и с их помощью строит теорию. «Но тео-

рия эта не та, которая строилась и строится при помощи понятия “равновесия”: у нее иные реальные предпосылки, другой логический подход и другая методическая установка» (Струве, 1924, с. 33). В центре рассуждений стоит концепция равновесия как условия и результата образования цены. Равенство спроса и предложения означает или совпадение в цене *всего* спроса и *всего* предложения, или совпадение каких-то *частей* спроса и предложения. В первом случае, по мнению Струве, совпадение либо как бы «случайно» заранее дано, либо является результатом самого процесса образования цены. Это предполагает возможность образования отдельных (диспаратных) и различных цен. Во втором случае осуществляется первая альтернатива первого случая. Но только первый случай во второй альтернативе является теоретической задачей.

По мнению Струве, понятие «скала потребностей» должно быть отвергнуто, поскольку оно совершенно ненужно. А именно при помощи этого понятия Билимович и пытается выразить мысль, что при обмене двух благ, одного на другое, каждый из контрагентов выносит на рынок только долю своего запаса, которая остается после удовлетворения собственных потребностей. Скалы потребностей в данном случае надо заменить размером предложения обеих сторон, которое является разностью между индивидуальным запасом и собственным потреблением. Установление равенства между спросом и предложением возникает в процессе образования цены и определении ее величины. Из этого вытекает, что вне заявок цен равенство спроса и предложения непредставимо. Логически равенство спроса и предложения является равенством двух различных предметов в отношении цен. «Без цен, в смысле, по крайней мере, проектов или заявок цен, понятие спроса-предложения вообще мыслиться не может. Объяснение явления цены равенством спроса и предложения: «цена устанавливается на том уровне, при котором спрос равен предложению» — логически стоит приблизительно на том же уровне, что объяснение равенства углов или сторон треугольников равенством самих треугольников. Это не тавтология, а, пожалуй, хуже, чем тавтология» (Струве, 1924, с. 35). А раз так, то и вывод цены так, как предлагал Билимович, логически ничего нового не дает.

Струве критиковал Билимовича и за способ его рассуждения. По его мнению, этот способ рассуждения, который весьма часто встречается среди экономистов, обнаруживает смешение наук о «реальном бытии», знание апостериорного (как, например, физика и политическая экономия), с науками о некоем идеальном «безвременном бытии» (как, например, математика и логика). Эмпирическая наука имеет возможность строить общие понятия, но она не должна отвлекаться от действительности. Струве делает вывод, что природа предмета ставит «абстракции» и «дедукции» иные границы, нежели в математике.

Ошибка Билимовича, по мнению Струве, заключается в том, что он в своей дедукции цены процесс обмена строит без понятия цены, а в свою очередь цена является неотъемлемым элементом более сложного понятия. «Кто говорит “обмен”, говорит “цена”» (Струве, 1924, с. 56). Поскольку в обмене можно говорить о равенстве, то в обмене всегда равна цена и только цена.

Далее Струве отмечал, что он готов идти в «абстрагировании» гораздо дальше, чем Билимович. Дело в том, что с точки зрения экономической проблемы скалы потребностей и распределение запаса есть не что иное, как предлагаемые и спрашиваемые количества. Число же хозяйств и запас благ уже заключаются в первых двух факторах, поскольку на рынке, с позиции рыночного торга, важно не число продавцов, а выносимые ими и спрашиваемые количества и доли запаса. Таким образом, мы располагаем в сущности двумя факторами: количеством спрашиваемых благ и количеством предлагаемых благ, т. е. спросом и предложением. Именно их соотношение решает вопрос о величине цены.

При этом сколько бы ни было «предлагающих» хозяйств, вопрос о величине цены решает общая величина спроса. Билимович же вносит в проблему равновесия совершенно ненужные осложнения — для цены как параметра рынка не важны число хозяйств и отношение между потребляемым и отчуждаемым запасом. Цена, реализуясь в данной системе, становится параметром этой системы. Но поскольку этот параметр определяет собой систему, то его определением сама система упраздняется. «Рынок, на котором установилось полное равенство спроса и предложения, *ipso facto* перестает существовать, и тем самым перестает существовать цена как некое реальное отношение» (Струве, 1924, с. 38). В этом случае рынок «втягивается» в другие области экономической жизни. Так, например, распроданный оптовый рынок как бы переходит в каналы розничных рынков.

Струве отмечал, что «самоснижение» рынка в процессе полного объединения цен (равенства спроса и предложения) вытекает из самого существа обмена. Явление обмена в свою очередь состоит из двух явлений: образование единого параметра системы — рыночной цены и неизбежно с этим связанный распад самой системы. «Спрос-предложение и цена перестают существовать в смысле какого-то факта, имеющегося налицо» (Струве, 1924, с. 38).

Далее Струве переходит к трактовке понятия «обмен». Под обменом он понимает «отношение», в котором как-то участвуют другие, более простые отношения. При этом равенство в обмене нельзя сравнивать с равенством в физико-химических процессах. В этом Струве видит серьезную ошибку сторонников механических аналогий в политической экономии. В физическом мире нет аналогов ни обмену, ни цене. В физическом мире обмен является лишь некой словесной фигурой, заимствованной из хозяйственного мира. «В обмене и цене есть совершенно своеобразное сочетание в реальном явлении идеальных (в частности математических) соотношений перестановки (пермутации) и равенства», — пояснял Струве (Струве, 1924, с. 39).

Предвидя некоторые возражения по поводу таких рассуждений, Струве делает две оговорки. Используя физические аналогии, он отмечает, что измерение веса тоже основано на приравнивании, полученном при помощи равновесия на весах. Однако здесь имеет место физическое равенство по весу. В обмене экономическом измерение осуществляется через приравнивание двух категорий. Второе возражение касается того факта, что нигде, кроме хозяйственного мира, приравнивание не дает измерения. Так, в химии замещению даны суммы валентностей, а экономическое замещение само создает такие величины.

Из общей характеристики самого предмета экономической науки Струве выводил невозможность трактовки равенства экономического как равенства физического.

Специально Струве указывал и на ошибки Билимовича по поводу статического равновесия. Из предположения о равенстве всего спроса и всего предложения, по Билимовичу, вытекает статический характер получающегося равновесия. С точки зрения Струве, равновесия никакого не будет, поскольку равенство спроса предложению не создает равновесия. К хозяйственной деятельности схема «стационарного движения» вообще не может быть приложима, поскольку она подвижна. В стационарном состоянии нет и быть не может никакой экономической проблемы, причем это построение является не «упрощенной абстракцией», а мышлением неэкономическим и потому «совершенно бессодержательным и бесплодным» (Струве, 1924, с. 42). Струве замечает, что даже если Билимович и скажет, что в его стационарном хозяйстве цены образуются неким образом, то возражение на это сведется к тому, что раз они образовались, то они стали неизменными, а это означает, что они перестали образовываться вовсе.

Таким образом, «строя умозрительную схему стационарного хозяйства, А. Д. Билимович строит “воображаемый мир”, для экономиста совершенно не интересный» (Струве, 1924, с. 43).

Вызывает протест у Струве и само понятие «стационарное хозяйство», которым оперирует Билимович. По его мнению, стационарное хозяйство не представляет для экономиста никакого интереса, поскольку в нем не возникает никаких экономических проблем. В стационарном хозяйстве можно решать проблемы социологические, но никак не экономические.

Отвергнув критику и построения Билимовича, Струве декларировал, что не может быть никаких абстрактных законов цены, кроме самых общих положений:

«1) при данном спросе единая цена на рынке функционально и в то же время причинно зависит от величины предлагаемого запаса, т. е. от количества предложения: чем оно больше, тем ниже цена. Коррелятом этого первого “основного закона” цены является другой;

2) на рынке при данном предложении цена функционально и в то же время причинно зависит от силы предъявляемого спроса: чем больше эта сила, тем выше цена.

3) в данном запасе тождественных по качеству или неопределенно делимых благ каждая единица или каждая доля запаса оценивается одинаково, т. е. получает одну и ту же цену» (Струве, 1924, с. 44).

При этом Струве выступал против приемов, используемых представителями математического направления — прежде всего приема обезличивания для психических основ экономических явлений, таких как душевные переживания. Это, по его мнению, совершенно противоречит природе этих явлений. Но здесь может найти себе применение аппарат статистической обработки, которая в свою очередь является «общей областью математической методики в ее применении к реальному миру».

Весьма серьезную критику у Струве вызвал и вопрос об издержках производства. Билимович исходит из наиболее маловероятного предположения: равенство издержек производства устанавливается не только для производителей одинаковых товаров, но и для производителей разных товаров, между собой не конкурирующих. «Вот до чего доводит концепция равновесия!» — восклицал Струве. Поскольку издержки производства сводятся к уплачиваемым ценам, они множественны, ибо множественны хозяйствующие субъекты. Здесь действительно количество хозяйств имеет большое значение. Числом хозяйств определяется разнородность и «разномощность» хозяйств. Здесь Струве опять возвращается к идее, развитой им во втором томе «Хозяйства и цены», о том, что издержки производства принимают форму списывания и в этом случае они превращаются в ценоподобные, калькулируемые величины.

В заключении своей статьи он возвращается к общеметодологическим вопросам, по поводу которых у него возникло противоречие с Билимовичем.

С одной стороны, в эмпирической науке установление функциональной связи является часто неизбежным этапом к выяснению «причинозависимости», с другой стороны, поскольку в эмпирической науке возможно дедуктивное установление какой-либо связи, это может являться установлением только функциональной, а не причинной зависимости. Причинно-следственные связи же устанавливаются только индуктивно. При помощи понятия «функция» может быть выражено отношение нематематических предметов во времени и тем самым установлены причинно-следственные связи.

Ошибочность точки зрения Билимовича и всех механистически-математических концепций лежит в неумотрениии природы эмпирического знания, к ко-

торой относится и политическая экономия. «Он рассуждает *more geometrico* в области, где плодотворна либо чистая индукция, либо статистический метод» (Струве, 1924, с. 49).

Хозяйственный мир подвижен и текуч, многообразен и многокачествен, отвлекаться от этой его природы означает преграждать себе путь к его познанию. Подводя итог своему спору с Билимовичем, Струве заключает, что его подход является «основанным на предметно-теоретическом осмысливании самого содержания экономической науки» отрицанием механически-математической трактовки своеобразия мира хозяйственных явлений. Дедуктивный же метод порождает только мнимые выводы.

Следует отметить, что в научной эмигрантской среде по поводу статей Струве развернулась дискуссия А. Д. Билимовича с С. С. Коном, о чем свидетельствуют статьи Кона (Кон, 1925а; 1925б; 1926) и Билимовича (Билимович, 1926). В статье «О “бесплодности” абстрактной экономической теории» Билимович провозгласил, что абстрактная экономическая теория, не претендующая на получение конкретных количественных результатов, не только не обречена на отмирание, но, наоборот, «она будет все время идти впереди статистических исследований, освещая им путь и определяя их главные направления» (Билимович, 1926, с. 132).

Отметим, что проблема экономического равновесия продолжала занимать Струве и в последующие годы. В 1936 г. в венском журнале «*Zeitschrift für Nationalökonomie*» была опубликована его статья «К проблеме так называемого экономического равновесия. История, критика и систематика» (Struve, 1936). В этой статье Струве повторил основные идеи, содержащиеся в работе (Струве, 1923), дополнив их анализом вышедших работ почти за 15-летний период: Г. Шульца и Г. Мура (1928), Ф. Симианда (1932), Г. Мюрдаля (1932), У. Митчелла (1931) и др. Подвергая в очередной раз критике концепцию равновесного подхода, Струве особо обращает внимание на идею равновесия на отдельных рынках. Прежде всего он подвергает анализу работы Дж. В. Робинсон (1903—1983) «Экономическая теория несовершенной конкуренции» (1933), Э. Чемберлина (1899—1967) «Теория монополистической конкуренции» (1933), Г. Штакельберга (1905—1946) «Структура рынка и равновесие» (1934). Струве, анализируя микроэкономическое равновесие, высказывает мнение, что такой подход в экономической теории возможен, правда, при этом называя его весьма «элегантным» (Struve, 1936, S. 506).

Данная статья представляет интерес еще и потому, что в ней Струве признал наличие в экономике стохастических закономерностей, выявленных при помощи статистических методов. Причем вероятность наступления того или иного события, по Струве, должна определяться наибольшей частотой (модой), а не более сложным путем — с помощью категории «математическое ожидание», как это предлагал, например, А. А. Чупров.

Наш обзор подтверждает, что российские ученые в первой четверти XX столетия занимались теми же вопросами, что и их коллеги за рубежом, а эмигрировав после 1917 г., продолжали свои исследования.

Источники

Абалкин Л. И. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.; Тамбов, 2009.

Автономов В. С. История экономической мысли и экономического анализа: место России // Очерки по истории российской экономической мысли / под ред. Л. И. Абалкина. М., 2003.

Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992. С. 243—426.

- Билимович А. Д.* К вопросу о расценке хозяйственных благ. Киев, 1914. Ч. 1.
- Билимович А.* Два подхода к научной картине экономического мира // Экономический вестник. 1924. № 2.
- Билимович А. Д.* О «бесплодности» абстрактной экономической теории // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1926. Кн. 4. С. 124—132.
- Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика. СПб., 1994. Т. 1.
- Кларк Дж. Б.* Распределение богатства. М., 1992.
- Кон С. С.* Математическое и эмпирическое направление в теории цены // Русский экономический сборник. Прага, 1925а. Кн. 2. С. 5—51; Кн. 3. С. 31—49.
- Кон С. С.* О «статификации» политической экономии. (К критике теоретических построений П. Б. Струве) // Сборник статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П. Б. Струве. Прага, 1925б. С. 117—134.
- Кон С. С.* По поводу «бесплодности» абстрактной экономической теории // Русский экономический сборник. 1926. Кн. 6. С. 241—250.
- Корицкий Э. Б.* Мир идей А. Д. Билимовича. (Из истории экономической мысли русской эмиграции). СПб., 1997. Ч. 1—2.
- Ольсевич Ю. Я.* О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки по истории российской экономической мысли / под ред. Л. И. Абалкина. М., 2003.
- Струве П. Б.* Хозяйство и цена. М., 1913. Ч. 1.
- Струве П. Б.* Хозяйство и цена. М., 1916. Ч. 2. Вып. 1.
- Струве П. Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический вестник. 1923. № 1. С. 5—26.
- Струве П. Б.* Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия»: Ответ А. Д. Билимовичу // Экономический вестник. 1924. № 3. С. 33—50.
- Чупров А. А.* Очерки по теории статистики. 2-е изд., пересм. и доп. М., 1910.
- Чупров А. А.* Место понятия ценности в статистической теории цены // Сборник статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П. Б. Струве. Прага, 1925. С. 163—172.
- Широкорад Л. Д.* Существует ли российская школа экономической мысли? // Очерки по истории российской экономической мысли / под ред. Л. И. Абалкина. М., 2003.
- Юровский Л. Н.* Очерки по теории цены. Саратов, 1919.
- Struve P. B.* Zum Problem des sog. wirtschaftlichen Gleichgewichtes. Historisches, Kritisches und Systematisches // Zeitschrift für Nationalökonomie. 1936, Bd. 7. H. 4. S. 483—532.